

СОВЕТСКИЙ ТИП ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ. КУРС НА РАЗРУШЕНИЕ ЦЕРКВИ (1917–1939 гг.)

Анализируется модель диалога государства и Церкви в первые советские годы, выявляются отличительные признаки модели, а также общие закономерности в церковной политике коммунистов. Делается вывод о закладке в рассматриваемый период постсоветских моделей отношений двух сторон.

Ключевые слова: государство; Церковь; государственно-церковные отношения.

Победа большевиков в 1917 г. стала началом закладки нового типа государственно-церковных отношений. Свое отношение к религиозной проблематике новая власть высказала уже 2/15 ноября 1917 г., когда была принята Декларация прав народов России, провозгласившая «отмену всех и всяческих национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений».

Тем временем продолжал свою работу Поместный церковный собор, на котором обсуждались важнейшие стороны диалога государства и Церкви. 2 декабря 1917 г. Собор принял специальное определение, в котором власти предлагалась адекватная, по мнению соборян, модель государственно-церковных отношений. Протоиерей Сергей Булгаков говорил о двух главных идеях, которыми руководствовались составители определения: «Первая – та, что должно быть сохранено некоторое *удаление* (здесь и далее курсив мой. – В.В.) между Церковью и государством; вторая – та, что отношения *союза* все же должны быть сохранены. Бесспорно, что излишняя связь между Церковью и государством, как она существовала в России в прошлом, когда Церковь была окована цепями государства и в тело ее вьедалась ржавчина этих цепей, – эта связь порвана. Бедствие для Церкви было в том, что она была огосударствлена» [1. С. 9]. Соборяне вдохновлялись идеалом византийской «симфонии», и их модель занимала промежуточное положение между системой государственной церковности и моделью *отделения* Церкви от государства, что подтверждает уже принцип «удаления», который есть то же самое, что принцип «отдаления», принятый Временным правительством. Итак, мы видим, что тональность государственно-церковных отношений, заданная Временным правительством, в основополагающих ее принципах Церковью была принята, чем еще раз подтверждается первенство государства в его диалоге с ней.

О льготах для Церкви соборяне не забыли. В частности, они предполагали министерство по обеспечению связей государства и Церкви, хотя природа новой власти была уже обнажена, и Церковь несла потери. Можно утверждать, что на Соборе не верили в долговременность советской власти. Позиция соборян не была из ряда вон выходящей. В 1926 г. представитель русской эмиграции С.Е. Крыжановский, также считавший большевиков временщиками, писал о будущем: «Управление Российской Православной Церковью будет осуществляться на основании правил, установленных Поместным Священным Собором, которые, однако, ни в чем не должны противоречить государственному закону» [2. С. 15].

Гонения на Церковь начались уже в конце 1917 г. В.В. Розанов писал: «...церковь разбилась еще ужас-

нее, чем царство» [3. С. 23]. 20 января 1918 г. вышел знаменитый Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В нем, в частности, говорилось: «1. Церковь отделяется от государства... 8. Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью... 9. Школа отделяется от церкви... 12. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. 13. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ» [4. С. 369–370]. Иные поняли, что Декрет маскируется под свободу совести. Другие были ближе к реальной жизни: «Декрет от 20 января справедливо стал восприниматься как юридическая подготовка к вскоре последовавшим расправам...» [5. С. 7]. И, действительно, в 1918 г. возобладали силовые методы воздействия государства на Церковь. Красный террор по отношению к духовенству стал борьбой с дореволюционными устоями, одной из граней классовой борьбы. Пик террора пришелся на время «военного коммунизма», переход к которому означал непримиримую борьбу большевиков с их политическими противниками, к числу которых они относили духовенство.

Упомянутые в Декрете «особые постановления» не заставили себя долго ждать. 24 августа 1918 г. Народный комиссариат юстиции утвердил порядок проведения в жизнь Декрета «Об отделении...». Порядок, в частности, предусматривал: «3. Благотворительные, просветительные и другие им подобные общества... подлежат закрытию, причем имущество их передается... в соответствующие комиссариаты... 4. Имущества, которые ко времени издания Декрета... находились в ведении ведомства православного исповедания... переходят в непосредственное заведование местных Советов...» [4. С. 371–376].

В Гражданскую войну государственно-церковные отношения еще более ухудшились. Разделение на белых и красных распространилось на духовенство. Но с окончанием войны потребовалась более изощренная религиозная политика, включавшая в себя различные административно-запретительные и фискальные меры, предназначенные принести большее разрушение Церкви. По новому закону, принятому в 1921 г., церковная недвижимость передавалась приходам в бесплатное пользование; причем они лишались статуса юридического лица. О праве граждан на религиозную пропаганду в законе вообще не говорилось: предполагался полный и безусловный запрет на нее.

Этого закона оказалось мало, и 3 августа 1922 г. НКЮ и НКВД РСФСР приняли Инструкцию «о порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых». В ней можно выделить: «...ни одно религиозное общество... не может открыть свои действия без регистрации его в Отделе Управления Губ. или Обл.исполкома... 5. Отдел... 15. Не имея прав юридического лица... религиозные общества могут заключать сделки частноправового характера, связанные с пользованием культовым имуществом, как-то договор о найме певчих, поставке дров, о ремонте...». Таким образом, была сформирована нормативно-правовая база планомерного и методичного разрушения Церкви.

По мнению профессора С.Л. Фирсова, начиная с 1922 г. светская власть усложняет свои отношения с Церковью, что подтверждают цитируемые документы [5. С. 7]. Поддержав, в частности, обновленческий раскол, она стала вмешиваться во внутрицерковные процессы, как бы предавая забвению Декрет об отделении Церкви от государства. Рычаги воздействия на Церковь берут в свои руки чекисты: до конца 1930-х гг. ее разрушением занимается специальное «церковное» отделение Секретного отдела ГПУ. На государственно-церковные отношения влияли многочисленные факторы. Так, голод начала 1920-х гг. стал предлогом для ограбления Церкви – изъятия ее ценностей. Сопротивление носило локальный характер: особо известным было выступление верующих г. Шуя. В связи с сопротивлением изъятию провели 200 открытых судебных процессов, по результатам которых около 2000 человек приговорили к расстрелу.

Весьма значимой фигурой в государственно-церковных отношениях после прихода к власти большевиков был патриарх Тихон (Белавин). Первоначально он выступил решительным противником Советского государства. Но с окончанием Гражданской войны у патриарха формируются новые принципы отношения к нему: 1. Советская власть – попущение Божие. 2. Отказ от политической борьбы с ней. 3. Государству не следует вмешиваться в каноническую жизнь Церкви. В послании 1920 г. патриарх заявил об аполитичности Церкви при любом социальном строе. А 6 апреля 1925 г. подписал обращение к верующим: «...не погрешая против нашей веры и Церкви, не допуская никаких уступок и компромиссов в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской власти и работать на общее благо...».

Значимые шаги по выстраиванию диалога с государством церковные деятели предпринимали и после патриарха Тихона. 29 июля 1927 г. митрополит Сергей (Страгородский) и члены Синода подписали знаменитую «Декларацию». По прочтении документа особо запоминается: «Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его... Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи... Оставаясь православными,

мы помним свой долг быть гражданами Союза...» [4. С. 395]. Итак, «Декларация» была решительным отказом от какой-либо конфронтации с атеистическим государством; более того: ее сторонники рассчитывали занять место в политическом пространстве большевиков. Не в пример обращению патриарха Тихона 1925 г., содержащего куда более умеренные формулировки, документ Сергея вызвал множество протестов верующих. Протоиерей Валентин Свенцицкий критиковал Сергея с двух сторон: «Декларация Ваша... устанавливает, что Вы ставите Церковь в ту же зависимость от гражданской власти... вопреки святым канонам Церкви и декретам самой власти гражданской... отказываетесь от церковной свободы...» [6. С. 7–8]. О попрании Сергием внутренней свободы Церкви писал архиепископ Серафим (Самойлович) [7. С. 328].

Тем не менее, позиция Сергея преемственна по отношению к политике патриарха Тихона: тот же принцип лояльности. Но соблюдал ли Сергей чувство меры? Заметим, что слыша критику в свой адрес, Сергей защищался, обвинял противников в приверженности монархии, в неспособности видеть православие в отрыве от прежней формы правления [8. С. 61–62]. Но понимал ли он, что нацеливает на противников государство? Оправдывать Сергея нелегко; его адепты обычно уклончивы: «...поставить Церковь в правильное отношение к Советскому государству...» [9. С. 13] – примерно так оценили они его задачу. Но что значит «правильные»? Особое усердие в оправдании Сергея проявили патриархи – его преемники: критика в адрес Сергея ими не допускалась. Более того, без апологии автора «Декларации» «сергианская» Церковь обойтись не смогла. Апологеты утверждают, что Сергей спасал Церковь. Против такого «спасения», «во имя которого принимается и оправдывается любая ложь, любой компромисс...» [10. С. 62], выступал протопресвитер Александр Шмеман. «Церковь, которую нужно все время спасать ценой лжи, что это за Церковь?» – вопрошал он [10. С. 62].

Как бы там ни было, благодаря «Декларации» возникла «советизированная» Церковь: кадровая политика в ней стала напрямую зависеть от государства. Этого мало: Церковь попала в полную зависимость от светской власти. Трагизм русского православия в XX в. протопресвитер Шмеман видел именно в сдаче «якобинской (государственно-авторитарно-негативной) сущности» [10. С. 109]. И еще: «Декларация» была шагом к *сближению государства и Церкви* (своего рода сращиванию неравноправных сторон). Других вариантов легального существования Церкви в те годы, вероятно, не было. Но лояльность Сергея к государству не спасла Церковь от разгрома в 1930-е гг. Самого Сергея, впрочем, не трогали: «Декларация» служила ему.

Более капитальный нормативно-правовой акт был принят 8 апреля 1929 г. – Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». Постановлением определено, что религиозное общество должно объединять не менее 20 граждан. Необходимость регистрации была подтверждена. Каждому религиозному обществу разрешалось пользоваться только одним молитвенным зданием. В число запретов также включили: «Создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться на-

ходящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей... оказывать материальную поддержку своим членам... организовывать детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так... по обучению религии... открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь...» [4. С. 384]. Имущество, необходимое для богослужений, объявили национализированным. Местной власти предоставлялось право немедленного расторжения с религиозной организацией регистрационного договора.

С объявлением курса на развернутое строительство социализма большевикам казалось, что неукоснительное соблюдение антирелигиозного законодательства позволит искоренить религию в стране. В 1929 г. началась сплошная коллективизация как одно из направлений перехода к социализму, который, по мнению его строителей, не мог мириться с религиозной идеологией. Постановление от 8 апреля пришлось кстати, став правовой базой для массированного наступления на Церковь. В 1939 г. она имела уже менее 200 приходов и ни одного монастыря. Ничтожно мало клириков осталось на свободе. Действующие приходы единую Церковь не составляли: в институциональном своем измерении она была на грани исчезновения.

При всех бедах, испытанных Церковью, не нужно винить лишь государство. После падения самодержавия всю проявляла себя общественность, хранившая с дореволюционной поры неприязнь к духовенству, а теперь еще инспирируемая властью. Епископ Вениамин (Милов) писал в 1928 г.: «Сколько насмешек,

плевков, обидных слов бывало тебе вслед от прохожих. И старцы, и юноши, и люди средних лет, и даже дети, не стесняясь, выражали свое презрение к личности всякого священника» [11. С. 118].

На основании вышеизложенного можно заключить, что в исследуемый период действовала специфическая *административно-силовая модель* государственно-церковных отношений. Ее отличительные признаки: не смотря на Декрет об отделении Церкви от государства, большевики сосредоточились на ее разрушении; разрушительные акции сочетались с разными административными мерами, ограничивающими церковную жизнь; позиция Церкви эволюционировала в сторону лояльного отношения к государству. Стороны не пришли к взаимопониманию. В своей церковной политике большевики опирались на предшествующий опыт государственно-церковного диалога. Декрет об отделении Церкви от государства стал логическим продолжением предыдущих перемен в диалоге сторон. Политика Советского государства по разрушению Церкви, предполагавшая применение разнообразных мер, была изощренной и методичной. Логика его религиозной политики прослеживается в развитии религиозного законодательства. В выстраивании государственно-церковных отношений активную роль играла и Церковь, ставившая цель выживания в новых чрезвычайных условиях. Провозглашение лояльности к государству было, возможно, единственным способом выживания. Но разумный *modus vivendi* при реализации административно-силовой модели так и не нашли. К концу 1930-х гг. государство поставило Церковь на грань полного уничтожения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Одинцов М.И.* От Поместного Собора к Декрету об отделении Церкви от государства // НГ – Религии. 2008. № 2.
2. *Крыжановский С.Е.* О характере государственного строя России (из записок С.Е. Крыжановского. 1926 г.) // Вопросы истории. 2008. № 3.
3. *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. СПб.: Азбука, 2001.
4. *Церковь и государство (история правовых отношений)* / Сост. священник Алексей Николин. М.: Изд. Сретенского монастыря, 1997.
5. *Фирсов С.Л.* Свободная церковь в свободном государстве // НГ – Религии. 2003. № 5.
6. *Свенцицкий Валентин*, протоиерей. Диалоги. Киев, 1994.
7. *Послание* ко всей Церкви священномученика архиепископа Серафима Угличского от 20 января 1929 г. // Богословский сборник. 2003. Вып. XI.
8. *Патриарх Сергей* и его духовное наследство. М., 1947.
9. *Троицкий Г.* Патриарх Сергей и русский зарубежный церковный раскол // Журнал Московской Патриархии. 1968. № 5.
10. *Шмеман Александр*, протопресвитер. Дневники. 1973–1983. М.: Русский путь, 2005.
11. *Вениамин (Милов)*, епископ. Дневник инока: письма из ссылки. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1999.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 января 2009 г.